
Бесперспективный
холод
Максим Пахотин

Бесперспективный холод

Максим Пахотин

Бесперспективный холод. Книга первая, Ирпень

«Автор»
2026

Пахотин М.

Бесперспективный холод. Книга первая, Ирпень / М. Пахотин — «Автор», 2026 — (Бесперспективный холод)

Все то, что видели, что прожили, через что прошли. Без политики, философии и сантиментов, без пафоса и пропаганды, просто и своими словами, чтобы помнили. Февраль, мост через Ирпень и бой, разделивший жизни на до и после.

© Пахотин М., 2026
© Автор, 2026

Максим Пахотин
Бесперспективный холод.
Книга первая, Ирпень

БЕСПЕРСПЕКТИВНЫЙ ХОЛОД

Глава 1

Сосны здесь росли неправильно.

Не те высокие, стройные, корабельные мачты, уходящие в небо, к каким привык в Омской области майор Агапов. Там лес рубят по-хозяйски — рядами, кварталами, оставляя аккуратные, причёсанные делянки. Здесь же сосны торчали корявыми, кривобокими, с узловатыми стволами, обросшими лишайником с северной стороны. Слишком тесно, ветви сплелись, и даже в зимней наготе создавалось впечатление плотной, непролазной чащи. Под ногами — не снег, а месиво из хвои, коры, подтаявшей земли и той водянистой каши, что в белорусском Полесье в конце февраля выдают за снег. Месиво чавкало, лезло в берцы, и носки мокрели к обеду. Сушить их к вечеру было негде.

— Петрович, бревно давай.

Агапов взялся за комель. Сырое, тяжелое, с обрубленными сучьями, которые больно впивались в ладони даже сквозь зимние перчатки. Егорыч ухватился с другого конца, крякнул, приподнял.

— Легче! — командовал кто-то со стороны. — На себя, теперь вправо. Ставь!

Бревно легло на два других, уже уложенных крест-накрест. Получилось сиденье. Кривое, шаткое, но сиденье. Егорыч сел, покачнулся, выругался коротко, но со вкусом.

— Хоть так, — сказал он. — Не в Сочи на пляже.

Майор опустился рядом. Форменные брюки мгновенно впитали влагу с бревна, по бёдрам расползлось холодное липкое пятно. Он не двинулся с места. Привык.

Лагерь разбили в начале февраля. Место выбирали не сразу — сначала прочесали лес, нашли поляну достаточно большую для палаток и достаточно скрытую, чтобы не просматривалась с дороги. Дорога, впрочем, была рядом — обычная лесная грунтовка, ведущая к трассе на Мозырь. По ней иногда проезжали местные на стареньких «Нивах» и тракторах с прицепами. Смотрели с любопытством, но не останавливались. Привыкли. Мало ли военных в лесу?

Палатки ставили основательно. Шесть «палаток УСТ-20» на двадцать человек каждая, штабная — чуть поменьше, хозяйственная — под склад. Ставили по-хозяйски, с разметкой, с колышками, вбитыми в мёрзлую землю кувалдой. Кувалду привезли с собой. И лопаты. И топоры. И три бензопилы «Штиль», одну из которых на второй день залили плохо приготовленной топливной смесью. Чихала, кашляла, пилить отказывалась, пока Борода — повар ОМОНа, мужик лет сорока пяти с роскошной окладистой бородой, где уже густо мешалась седина, — не плюнул, не выругался и не починил её за час. Ковырялся в карбюраторе озябшими пальцами.

— Учения, — сказал кто-то в первый вечер. Утвердительно, без вопроса. И все промолчали. Потому что слово было правильным. Оно всё объясняло. Слаженность подразделений. Взаимодействие. Отработка навыков развертывания полевого лагеря в условиях, приближенных к боевым.

Условия были приближены. Это точно.

Опер сидел на бревне, наблюдал, как Борода колдует над ведром с гречкой, и поймал себя на мысли: ни разу в жизни не чувствовал себя таким бесполезным. В уголовном розыске он знал всё. Мог приехать на труп, осмотреть место, найти след, который никто не заметил, по говору и жесту определить — врёт свидетель или говорит правду, за час составить психо-

логический портрет преступника так, что опера потом только брали. Майор. Опер от Бога, как сказал начальник управления на последней аттестации. А здесь, в лесу, всё казалось каким-то ненастоящим: бревна тоскливо перекладывай да кашу трескай. Только чувство тревоги — от чего-то грандиозного и неумолимо надвигающегося — иногда щемило в груди.

— Петрович, не кисни. — Егорыч ткнул локтем. — Вспомни двенадцатый год, фальшивомонетчиков. Вот где работа была.

— Помню.

Подвал на окраине, сырость, запах краски и растворителя, станок, отпечатанные купюры, сохнущие на верёвке, как бельё. И мужик на корточках у стены: «Я не знал, мне сказали — для фильма». Пять лет получил мужик. Агапов — благодарность.

— А здесь что? — Егорыч кивнул на лес, на палатки, на сгрудившихся у костра бойцов. — Учения. У-че-ни-я.

— Понял.

Спорить было не, о чем.

Двадцать первого февраля утром приехали омоновцы. Две машины, КАМАЗы -АТН-П, атээнки, серые, небронированные, с забранными решётками окнами. Выгружались шумно, весело, будто на курорт. Кто-то сразу достал гитару, кто-то начал натягивать тент между деревьями. Командир ОМОНа — полковник с усталым, недовольным лицом — о чём-то долго говорил с Гончаровым в штабной палатке, потом вышел, махнул рукой: «Размещайтесь».

К вечеру лагерь разросся. Палаток стало больше, людей — тоже. Шум, гам, хождение туда-сюда. Кто-то рубил дрова, кто-то носил воду из ручья, кто-то просто бродил между палатками, знакомился, обменивался новостями.

— Слышь, собровцы. — Из омоновской формы вынырнул молодой парень с круглым, ещё не обветренным лицом. — Правда, что дальше двинем?

Никто не ответил. Егорыч посмотрел тяжело, исподлобья. Парень стушевался, отступил.

— Я просто спросил…

— Завтра спросишь, — отрезал Егорыч. — У командира.

— Чего ты с ним так? — спросил Агапов, когда парень ушёл.

— А чего он спрашивает? — Егорыч зло пнул подвернувшуюся шишку. — Не видит, что ли? Сам всё видит. А спрашивает. Будто мы знаем.

Помолчал, добавил тише:

— Я тоже не знаю. Ни хрена.

Ночью приснился сон. Будто снова в Омске, в академии, на лекции по оперативно-розыскной деятельности. Старый полковник с седыми усами монотонно диктует определение: «Оперативно-розыскная деятельность есть вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно…» Агапов старательно записывает, но слова расплываются, буквы прыгают, и вдруг вместо конспекта — карта. Большая, подробная, с разноцветными линиями и стрелками. Не может понять, где он. Потом видит надпись: «Ирпень». И рядом, чуть выше: «Гостомель».

— Что это? — спрашивает.

Полковник молчит. Только смотрит грустно и укоризненно.

Проснулся от холода. В палатке дыхание вырывалось паром. Полежал минуту, глядя в темноту, потом достал телефон. Связи нет. Экран светится тускло: 03:14. Открыл карту. Ирпень и Гостомель были там.

Двадцать четвёртого днём Муромов вернулся из штабной палатки хмурый, молчаливый. Агапов сидел на лавочке, чистил автомат, разложив детали на брезенте. Муромов прошёл мимо, потом остановился, вернулся, присел рядом.

— Что там? — спросил опер, не поднимая головы.

Долго молчал. Смотрел, как шомпол проходит через ствол, как надраивается затворная рама.

— Завтра выдвигаемся, — сказал наконец. — В три тридцать.

Агапов поднял голову.

— Куда?

— Не знаю. Командир знает. Нам не доложили.

Помолчал, добавил тише:

— Ты вот в розыске десять лет. Чуйка есть?

— Есть.

— И что говорит?

Посмотрел на лес. На сосны с лишайником, на серое небо, на дымок от костра.

— Что не учения это.

Муромов кивнул.

— Моя тоже.

Поднялся, отряхнул брюки.

— Готовься.

И ушёл.

Вечером двадцать четвёртого их построили. Лагерь затих, даже омоновцы отложили гитару. Сводный отряд выстроился в две шеренги: собровцы слева, омоновцы справа. Перед строем стоял Гончаров — полковник с тремя орденами Мужества, о которых ходили разные разговоры. Кто-то говорил — не заслуженно. Кто-то — что просто так не дают. Агапов смотрел на командира и пытался понять, что у того в голове. Но лицо оставалось спокойным, непроницаемым, как у человека, давно научившегося не показывать мыслей.

— Утром в три тридцать выдвигаемся. — Голос негромкий, но в тишине вечернего леса слышался отчётливо. — Быть готовыми. Личный состав проверить. Боезапас распределить. Вопросы?

Вопросов не было.

— По машинам. Разойдись.

Строй рассыпался. Агапов пошёл к палатке, но на полпути остановился, обернулся. Гончаров стоял один, смотрел куда-то в лес, за деревья, где уже сгущалась темнота. Лица не разглядеть.

Постоял секунду и пошёл дальше.

Ночью не спал. Лежал в спальнике, смотрел в тёмный брезент палатки, слушал дыхание Егорыча. Где-то ухнула сова. Потом ещё раз. Считал эти звуки, пытаясь отвлечься от мыслей, которые лезли одна за другой.

Дом. Жена. Дочь. Сегодня он им не позвонил. Связи не было, но даже если бы… он не знал, что сказать. «Папа на учениях»? Врать не хотелось. Говорить правду — нельзя. Лучше молчать.

Вспомнил, как уезжал. Жена стояла в дверях, куталась в халат, хотя на календаре февраль и в квартире прохладно. «Ты надолго?» — «Не знаю. На учения». Кивнула. Десять лет в розыске приучили её не задавать лишних вопросов.

Дочь спала. Зашёл в комнату, постоял минуту над тёмной копной волос на подушке. Потом вышел, закрыл дверь, поцеловал жену в лоб.

Он не знал тогда, что видит их в последний раз. Не в том смысле, что не вернётся. Вернётся, конечно. Но что-то внутри, старая оперская чуйка, которую он не мог объяснить словами, подсказывала: то, что было до, закончилось. Завтра начнётся другое. И что это будет — не знает никто. Даже Гончаров.

Подъём дали в два ночи.

Агапов не спал, поэтому встал сразу, мгновенно, как привык за десять лет. Собрал спальник, засунул в баул, натянул бронежилет, проверил автомат. Рядом ворочался Егорыч, чертыхался сквозь зубы:

— Темень-то какая. Хоть глаз выколи.

Фонари не зажигали. Маскировка. Только тусклые синие огоньки у палаток. Люди двигались молча, будто сговорившись не говорить лишнего. Звякало железо, хлопали дверцы машин, урчали двигатели, прогреваясь на холостых.

Через полчаса колонна была готова. Впереди — белый УАЗ командира. За ним — КАМАЗы-вахтовки, серые, с забранными решётками окнами. В самом конце — «хозяйка», грузовик с баулами, инструментом, запасом воды и сухпайков.

Агапов забрался в кузов, сел на скамью, привалился плечом к холодному металлу борта. Рядом устроился Егорыч. Напротив — боец с позывным «Туман» и рацией.

— Ну, с Богом, — сказал кто-то.

Колонна тронулась. Агапов посмотрел в щель между решётками. Лагерь оставался позади — тёмные пятна палаток, потухшие кострища, брошенная у дерева консервная банка. Ещё минуту назад там была жизнь. Теперь — пустота.

Отвернулся и закрыл глаза.

Глава 2. Дорога

Рассвет застал колонну уже далеко от Мозыря.

Агапов не заметил, когда задремал. Просто в какой-то момент моргнул, а когда открыл глаза, за бортом было уже не черно, а серо — тот особый предутренний цвет, когда небо только начинает отделяться от земли, но солнце ещё не показалось. Голова гудела от неудобного положения, шея затекла, бронежилет давил на ключицы привычной, почти незамечаемой тяжестью.

Рядом посапывал Егорыч, уронив голову на грудь. Напротив, «Туман» не спал — сидел, привалившись спиной к борту, и смотрел в узкую щель между решётками. В руках — японский радиосканер, который ловил всё подряд.

— Давно не спишь? — тихо спросил Агапов.

— Часа два, — так же тихо ответил тот. — Слушаю.

— Что слышно?

Помолчал, покрутил настройки.

— Говорят много. Наши пока молчат. А эти… — кивнул на рацию. — Вещают. Про пленных.

Опер ждал продолжения.

— Говорят, взяли кого-то из наших. Фамилию называют, часть. Не знаю, правда или нет. Может, пропаганда.

— Может, и нет.

Агапов вспомнил, как сам в розыске не раз пользовался этим приёмом — объявлял по рации то, чего не было, чтобы выманить, заставить нервничать, совершить ошибку. Но там были преступники. А тут — война. Здесь правила другие.

Колонна шла уже больше трёх часов. Попытался прикинуть расстояние, но бросил — всё равно без карты не поймёшь. Знал только одно: они давно за границей. Где-то там, за лесом, осталась Белоруссия. Впереди была Украина.

Достал телефон, глянул на экран. Связи нет — ни одного деления. Бесполезный кусок пластика, годный только смотреть время и фотографии. Пролистал галерею: дочь, жена, снова дочь. Последнее фото сделано за день до отъезда: сидели на кухне, пили чай, и Настя щёлкнула его, когда он рассказывал что-то смешное.

Убрал телефон.

— Проверь. — «Туман» протянул рацию.

Взял, приложил к уху. Шипение, треск, потом голос — взволнованный, быстрый, на том языке, который он понимал, но который сейчас звучал чужим. Диктор говорил о героических воинах света — так он называл украинских военных, — которые остановили колонну где-то под Киевом. Называлась цифра: двадцать единиц техники уничтожено.

— Врут, — сказал Агапов, возвращая рацию.

— Конечно, врут. — «Туман» усмехнулся. — Вопрос только — сколько.

Замолчали. Машину трясло на дорожных стыках, двигатель гудел ровно, убаюкивающе. Где-то сзади, в хвосте колонны, тоже ехали люди, тоже молчали, тоже слушали чужое радио и пытались не думать о том, что ждёт впереди.

Около семи утра колонна остановилась.

Агапов услышал, как изменился звук двигателей — сбавили обороты, потом затихли совсем. Зашевелились, зашуршали снаряжением.

— Стоим.

— По нужде выходим.

— Курить охота — сил нет.

Выходили осторожно, кучно, не рассредоточиваясь. Лес стоял стеной по обе стороны дороги — сосны, берёзы, густой подлесок. Асфальт мокрый, блестящий, в лужах отражается серое небо. Пусто, если не считать их колонны.

Спрыгнул на землю, размял затёкшие ноги. Берцы сразу захлюпали — под асфальтом вода, она проступала сквозь трещины, сочилась с обочины. Отошёл к краю дороги, расстегнул ширинку, и в этот момент увидел табличку.

Стояла на обочине, метрах в десяти, на металлической стойке. Обычная дорожная табличка, синий фон, белые буквы. Таких тысячи по всей стране. Но буквы на этой складывались в слово, от которого внутри что-то оборвалось.

«Зона отчуждения. Припять».

Замер, забыв, зачем отошёл. Смотрел и не мог отвести взгляд. Припять. Чернобыль. Зона. Это слово было знакомо каждому, кто вырос в Советском Союзе. Оно значило катастрофу, смерть, эвакуацию, брошенные города. И теперь оно значило ещё и то, что они — здесь. На территории Украины. В зоне отчуждения.

— Твою мать, — выдохнул кто-то за спиной.

Агапов обернулся. Рядом стоял Егорыч, тоже смотрел на табличку.

— Это что же выходит? — спросил тот тихо. — Мы уже…

— Выходит, что да.

Постояли ещё минуту, глядя на синий прямоугольник с белыми буквами. Потом Егорыч перекрестился — быстро, незаметно, будто стесняясь.

— Ладно, — сказал он. — Пора, наверное.

Но трогались не сразу. Кто-то курил, жадно затягиваясь, кто-то просто стоял, смотрел в лес, думал о своём. Агапов достал телефон, сфотографировал табличку. Сам не зная зачем. Чтобы было. Чтобы помнить.

Через пять минут колонна двинулась дальше.

Дорога петляла между лесом и полями. Иногда в просветах мелькали брошенные дома — хутора, деревни, опустевшие ещё в восемьдесят шестом. Агапов смотрел на них и пытался представить, как здесь жили люди. До аварии. Потом уехали — кто навсегда, кто с надеждой вернуться. Не вернулись.

— Смотри.

Егорыч ткнул в бок. Глянул в щель. Справа от дороги, метрах в ста, стоял обелиск. Обычный такой, какие ставят на братских могилах. Только здесь, в лесу, посреди зоны отчуждения. Наверное, ликвидаторы. Те, кто первыми пошли в огонь и не вернулись.

— Сколько же их здесь? — тихо спросил Егорыч.

— Много. Очень много.

Ехали дальше. Мимо проплывали указатели: «Копачи», «Чернобыль», снова «Припять». Смотрел на них и чувствовал, как внутри нарастает странное, незнакомое раньше чувство. Не

страх. Не тревога. Что-то другое. Предчувствие? Осознание масштаба? Того, что они вписались в историю, которую не выбирали.

— Петрович, — позвал Артур — имя «Тумана» кстати было Артур. Агапов повернулся. — Слышь. — Протянул рацию. — Послушай.

Взял, прижал к уху. Голос диктора — теперь уже на русском, с явным украинским акцентом — вещал бодро, почти радостно:

«…украинскими защитниками взят в плен российский военнослужащий. Сообщаем фамилию и воинскую часть для опознания…»

Дальше шли данные. Фамилия. Номер части. Место постоянной дислокации.

Слушал и не верил. Часть была их. Не СОБР, но из их округа. Те же, кто грузился в эшелоны вместе с ними, кто стоял рядом на построениях.

— Врёт? — спросил подошедший Муромов.

— Не знаю. Может, и нет.

Вернул рацию. В кузове стало тихо — все слышали, всё поняли.

— Я сдаваться не буду. — Егорыч вдруг заговорил громко, голос твёрдый, злой. — Коснись меня — нет. Не дождутся.

Никто не ответил. Каждый думал о своём.

Около десяти утра колонна вошла в зону, где начинались населённые пункты.

Сначала редкие хутора — несколько домов, пустые дороги, ни души. Потом деревни побольше, с магазинами, остановками, церквями. Людей не видно — то ли попрятались, то ли уехали. Только собака выскочила на дорогу, полаяла вслед колонне и убежала обратно в калитку.

Агапов смотрел на эти дома, на занавески в окнах, на детские качели во дворах и думал о том, что здесь живут люди. Такие же, как они. С такими же семьями, детьми. И сейчас эти люди сидят в подвалах, боятся, молятся, чтобы их не зацепило.

В головном УАЗе Муромов, сидевший на заднем сиденье, внимательно наблюдал за происходящим вокруг. Ему бросилась в глаза одна деталь, о которой он тут же доложил Гончарову, изучавшему карту.

— Командир, — взволнованно заговорил он. — Смотрите, на асфальте следов гусениц нет. Мы оторвались от основных сил.

— Понял, — ответил Гончаров. Глухо, неразборчиво, даже отстранённо.

— Может, остановиться? Подождать?

Полковник выждал паузу. Длинную, тягучую, будто что-то обдумывал и сопоставлял. Потом сказал, как отрезал:

— Движемся по плану. Соблюдать дистанцию. — Рявкнул в рацию.

Муромов посмотрел в зеркало заднего вида, где отражалось напряжённое лицо командира. И ничего не сказал. Что тут скажешь?

К обеду небо затянуло совсем. Стало пасмурно, сыро, по стёклам кабины застучали первые капли. Дождь — мелкий, противный, февральский. Агапов застегнул куртку плотнее, хотя в кузове и так было холодно.

Дорога пошла под уклон. Впереди показался мост.

Увидел его краем глаза: перила, выкрашенные в яркие цвета — жёлтый и синий. Высокий мост через реку. На указателе перед въездом значилось: «р. Ирпень».

— Ирпень, — прочитал вслух Егорыч. — Это что, уже Киевская область?

— Похоже.

Смотрел на приближающийся мост и вдруг почувствовал странную пустоту внутри. Будто все чувства разом отключились, оставив только холодное, расчётливое наблюдение. Видел перила, редкие машины на встречной полосе — гражданские, спешащие прочь, — пустые переулки, уходящие в частный сектор.

И тишину.

Слишком громкую тишину.

— Что-то не так, — сказал он.

— Что? — повернулся Артур.

— Не знаю. Но что-то не так.

Первые машины колонны уже въезжали на мост. Белый УАЗ командира — на самом верху, почти на середине. За ним — «Уралы», КАМАЗы, растянувшиеся по пологому подъёму.

Агапов смотрел на них и ждал.

Чего — не знал.

Просто ждал.

Глава 3. Мост

Колонна втягивалась на мост медленно, будто нехотя.

Впереди, метрах в пятидесяти, белый УАЗ командира уже подходил к середине пролёта. За ним, соблюдая дистанцию, шли «Уралы» и КАМАЗы. Серые борта, забранные решётками окна, мокрый асфальт под колёсами. Справа и слева мелькали перила, выкрашенные в жёлто-синие цвета — ярко, по-европейски. Внизу темнела вода, впереди, за мостом, начинались дома частного сектора — Ирпень.

В кузове КАМАЗа, шедшего третьим от головы, сидел омоновец с позывным Саян. Привалился спиной к левому борту, автомат между колен, смотрел на противоположную сторону кузова, где у правого борта, пристроившись на скамье, курили двое молодых. Высокие борта не позволяли видеть дорогу — только серое небо над головой да рифлёный металл, напротив. Слышал, как урчит двигатель, как переговариваются в кабине водители, как где-то далеко, за пределами видимости, гудит ветер.

Он не видел, что происходит снаружи. Не видел, как головной УАЗ въезжает на мост. Не видел пустых переулков Ирпеня, где только что мелькнули и исчезли редкие прохожие. Просто сидел и ждал.

Ещё через две машины, в таком же КАМАЗе, ехали Агапов и Егорыч. Сидели у правого борта — опер ближе к выходу, напарник рядом. Агапов смотрел в щель между решётками, пытаясь разглядеть хоть что-то. Мост пуст. Ни встречных машин, ни пешеходов. Только жёлто-синие перила, уходящие вперёд.

— Что-то не так, — сказал он.

— Что? — повернулся Егорыч.

— Не знаю. Но что-то не так.

В этот момент впереди, там, где головная машина уже почти миновала середину моста, что-то изменилось. Агапов не успел понять, что именно. Просто воздух стал другим.

Первый удар пришёлся справа от УАЗа, метрах в пяти.

Гончаров увидел вспышку краем глаза — оранжевый шар возник в воздухе, и в ту же секунду оглушительный грохот вдавил в кресло. Бетонная крошка брызнула по лобовому стеклу, по капоту. УАЗ качнуло, но двигатель работал.

— Из машины! — заорал полковник, рванув ручку двери.

Вывалился на асфальт, перекатился, вскочил. Водитель выбирался следом. Сзади, из второй машины, уже прыгали люди. Муромов вылез с заднего сиденья, огляделся, оценивая обстановку. Вокруг уже бежали к ограждению, кто-то падал, кто-то полз.

— Рассредоточиться! Укрыться! — крикнул старший лейтенант.

Он стоял на асфальте возле УАЗа, показывая рукой, куда двигаться. Рядом пробегали бойцы, спускаясь к перилам. Гончаров уже был у края моста, переваливался через ограждение. Муромов остался наверху — видел, что люди ещё не все укрылись, и продолжал командовать.

Второй удар пришёлся прямо в это место.

Гончаров услышал грохот, когда уже катился по откосу. Оглянулся — там, где только что стоял Муромов, теперь клубился дым и пыль. Тело отбросило к перилам, переломило, сбросило на асфальт.

Не остановился. Нельзя. Ударился о землю у подножия насыпи, вскочил и побежал дальше, туда, где уже собирались первые уцелевшие. Впрочем, рядом с тем местом прогремел новый взрыв, накрывший полковника невидимой струей раскалённого воздуха, а потом и пламенем с кусками бетона, асфальта и дорожной грязи.

В КАМАЗе Саяна первый взрыв пришёлся в правый борт.

Он не видел вспышки — только услышал оглушительный грохот и почувствовал, как машину тряхнуло. Металл правого борта вздулся, лопнул, и в образовавшуюся дыру — с рваными, вогнутыми внутрь краями — ударил чёрный, густой дым. Кузов мгновенно заполнился гарью, едкой, выедающей глаза.

Ребята, сидевшие у правого борта, исчезли.

Не видел, как. Даже не успел подумать о них. Тело сработало быстрее: рванул к дыре в левом борту — к выходу, к свету, прочь от этого дыма. Перевалился через борт, рухнул на асфальт. Боль в локте — ободрал до мяса. Голова гудит, звуки доходят будто сквозь толстый слой ваты.

Поднял голову.

Рядом, на асфальте, лежал человек. Весь в огне. Пламя охватило форму, лицо, руки. Человек не кричал. Уже не мог. Просто лежал и горел.

Метрах в десяти горел КАМАЗ — в который, видимо, тоже попало. Из кабины вырывался огонь, чёрный дым валил в небо жирным столбом.

Саян пополз. Не глядя, не думая — только убраться с открытого пространства. Под днище уцелевшей машины, к насыпи, за насыпь. Перевернулся, сполз по откосу, врезался плечом в сырую землю.

Рядом рвануло снова. Снаряд попал в рекламный щит на обочине. Осколки со свистом впились в землю вокруг, один ударил в асфальт, высек искру — яркую, как бенгальский огонь.

Вжался в насыпь. Справа и слева уже сползали другие. Кто-то тащил раненого, волоча по земле за бронежилет. Кто-то полз сам. Молча. Только дыхание и шорох.

Видел, как из КАМАЗа, стоявшего впереди их машины, поднялся столб дыма и огня. Через мгновение грохнул взрыв — глухо, тяжело, — и из машины вывалилось несколько тел, объятых пламенем. Упали на асфальт и не шевелились.

Над мостом продолжало ухать. Снаряды ложились вдоль колонны — методично, расчётливо, будто сверху кто-то корректировал огонь.

Агапов и Егорыч выбирались из своего КАМАЗа, когда второй взрыв тряхнул мост. Их машина стояла почти в самом начале, ещё не доезжая до середины. Удар пришёлся по машине впереди — та загорелась мгновенно, и оттуда уже никто не выходил.

— Назад! — крикнул Агапов. — Назад, к съезду!

Спрыгнули с подножки и побежали назад, туда, где мост ещё соединялся с берегом. Сверху свистело. Видел, как справа, метрах в тридцати, омоновцы катятся с насыпи, как один тащит другого волоком, как ещё двое бегут, пригибаясь, к спасительному откосу.

Добежали до конца моста, перемахнули через ограждение и рухнули в придорожный кювет. Здесь уже были люди — человек десять. Кто-то из омоновцев, двое собровцев, водитель-прапорщик, которого видел вчера у костра.

— Муромов где? — спросил Агапов, оглядываясь.

Никто не ответил. Только один из омоновцев мотнул головой в сторону моста:

— Там остался. Прямое попадание.

Посмотрел на мост. Там, где только что стоял белый УАЗ, теперь клубился дым. Машина была на месте, но вокруг неё лежали тела. Одно — у самых перил, в луже крови, другое — ближе к середине дороги, переломанное, неестественно вывернутое.

— Не смотри, — сказал Егорыч. — Потом.

Лежали в кювете, вжимаясь в мокрую землю, и слушали, как над головой продолжают рваться снаряды. Обстрел смещался вдоль колонны — били методично, расчётливо. Сначала по голове, потом по центру, теперь добивали хвост, где горела «хозяйка».

Через несколько минут стало тише. Снаряды ушли дальше, за мост.

Из кювета начали подниматься. Сначала по одному, потом группами. Осматривались, пересчитывались, проверяли оружие. Кто-то перевязывал руку, кто-то просто сидел, приходя в себя. Саян поднялся вместе со всеми — голова гудела, но ноги держали, автомат на месте, патроны целы.

— Саян, цел? — подошёл командир их группы.

— Цел. Контузило немного.

— Двигаем. Собираемся вон за тем домом. Уходим в сторону Ирпеня.

Кивнул, поправил бронежилет, оглянулся на мост в последний раз. Там, наверху, догорали машины. Дым поднимался к серому февральскому небу, смешиваясь с тучами, закрывая горизонт.

Пошли. Вдоль насыпи, перебежками, пригибаясь, уходя от моста туда, где начинались первые дома частного сектора. Агапов и Егорыч держались вместе. Опер чувствовал, как хлюпают в берцах ноги — промокли насквозь, пока лежали в кювете. Но сейчас это было неважно. Надо было уходить.

За поворотом дороги показались первые дома. Частный сектор. Огороды, заборы, сараи. Тишина. Ни собак, ни людей. Только дым за спиной.

— Куда теперь? — спросил Егорыч.

— К Гостомелю. Там наши. Если прорвёмся.

Вошли в переулок и скрылись за домами.

Сзади, над мостом, всё ещё поднимался чёрный дым.

Глава 4. Ирпень

Уходили от моста перебежками. Первый километр дался тяжелее всего. Не потому что стреляли — стрельба стихла за спиной, только редкие разрывы доносились оттуда, где догорала колонна. Тяжело было переставлять ноги, которые после контузии казались чужими, ватными. Воздух в груди рвался наружу со свистом, и каждый вдох отдавался болью в рёбрах — то ли ушиб, то ли просто организм не верил, что ещё жив, и работал на пределе.

Саян шёл третьим. Впереди, метрах в пяти, двигался командир их группы — коренастый, приземистый, с автоматом наперевес. Показывал направление короткими взмахами руки, не оборачиваясь. Сзади слышалось тяжёлое дыхание остальных, шорох подошв по мокрому асфальту, звяканье снаряжения.

Улица, на которую вышли, была пуста. Частный сектор — одноэтажные домики, палисадники, заборы из профнастила и сетки-рабицы. Кое-где в окнах горел свет — неяркий, жёлтый, домашний. Кое-где окна были темны, и в этих провалах угадывалось что-то тревожное, затаившееся. Из некоторых окон торчали телефоны. Саян видел их — тёмные прямоугольники на фоне стёкол, руки, держащие их, лица, скрытые в глубине комнат. Люди снимали. Просто снимали на телефоны то, что происходило на их улице.

Не стрелял. Никто не стрелял. Шли, озираясь, держа оружие на изготовку, как учили. Палец на предохранителе, стволом туда, куда смотришь. А смотреть приходилось во все стороны сразу — на окна, на крыши, на перекрёстки, на тёмные проулки между домами.

— Не обращай внимания, — бросил командир, не оборачиваясь. — Идём.

Голос спокойный, будничный, будто они не по вражескому тылу шли, а на очередном учении марш-бросок отрабатывали. Саян сглотнул, поправил ремень автомата, врезавшийся в плечо, и пошёл дальше.

Воздух здесь, в поселке, был другим. Не таким, как над мостом, где пахло гарью и смертью. Здесь пахло сыростью, мокрой листвой, дымом из печных труб — мирной жизнью, которая ещё теплилась за этими заборами, окнами, дверями. Где-то лаяла собака. Где-то плакал ребёнок. Обычные звуки, которые здесь и сейчас звучали как что-то чужеродное, невозможное.

На перекрёстке, у покосившегося забора, стоял мужик. Лет пятидесяти, в телогрейке, резиновых сапогах, с лицом серым от страха. В руках — старенький кнопочный телефон. Смотрел на них и не знал, что делать. Бежать? Стоять? Спрятаться?

— Стой! — Саян вскинул автомат, но командир остановил жестом.

— Телефон давай, — сказал тот мужику. Спокойно, без угрозы, как просят закурить у прохожего.

Рука дрожала, телефон подпрыгивал мелкой дрожью.

Своих телефонов у них не было. У Саяна трубка разбилась при падении с борта. У других сели, или потерялись, или остались в горевших машинах. Рация молчала с первого взрыва — то ли разбило, то ли глушили, то ли просто не работала в этом городе, среди этих стен.

Командир набрал номер. Единственный, который помнил наизусть. Ростов, штаб округа.

Трубку взяли не сразу. Секунды тянулись, как резиновые. Потом щелчок, и голос в динамике:

— Слушаю.

— Это Девятый. Колонна разбита на мосту. Выходим в сторону Ирпеня. Потери есть. Передай дальше.

Говорил коротко, сухо, без эмоций. Ни «здравствуйте», ни «до свидания». Только факты.

Потом сбросил, стёр вызов, вернул телефон.

— Иди домой. Сиди тихо. Никому не рассказывай.

Мужик кивнул, спрятал телефон в карман телогрейки и исчез за калиткой. Пошли дальше. Никто из них не знал, что через несколько часов этот разговор перехватят. Что запись ляжет на стол в СБУ, что голоса будут слушать чужие люди в наушниках, что каждый звук разберут по косточкам. Шли дальше. Дорога уходила в гору, к центру поселка, где над крышами поднималась водонапорная башня.

Где-то через час к ним начали присоединяться другие.

Сначала из проулка вышли двое — омоновцы, Саян узнал их по нашивкам. Потом ещё трое из их же отряда. Потом группа из восьми человек, ведомая лейтенантом с перевязанной головой. Собирались по дороге, выходили из дворов, из-за заборов, выползали из подвалов. Кто-то был легко ранен, кто-то нёс раненого, кто-то просто шёл, глядя перед собой остановившимися глазами.

Егорыч нёс собровца. Молодого парня, позывной Михалыч, из Красноярска. Ногу перебило осколком ещё на мосту — турникет наложили сразу, из штатного жгута, затянули как могли. Но кровь шла. Пропитала штанину, натекла в берцы, и каждый шаг оставлял на асфальте тёмный, влажный след. Раненый молчал. Только зубы сжимал так, что желваки ходили под кожей, скулы белели от напряжения.

— Парни, — Егорыч остановился. Голос хриплый, сбитый. — Ему в больницу надо. Не дойдёт.

Стояли на перекрёстке. Впереди, метрах в пятидесяти, начиналась центральная площадь. Слева, у обочины, стояла «шестёрка». ВАЗ-2106, тёмно-синяя, вся в царапинах и вмятинах, с водителем внутри.

Мужик за рулём лет сорока, в очках, с трясущимися руками. Смотрел на них через лобовое стекло и, кажется, не знал: заводить и уезжать или сидеть и не двигаться.

Саян подошёл к машине. Водитель дёрнулся открывать дверь, но рука легла на крышу, наклонилась к приспущенному стеклу.

— Не бойся. Нам раненого в больницу довезти. Сделаешь — будешь свободен.

Водитель смотрел расширенными глазами. Перевёл взгляд на Михалыча, которого Егорыч уже тащил к машине. Лицо у раненого белое, губы синие, глаза закрыты. Водитель сглотнул, кивнул.

Загрузились быстро. Раненого положили на заднее сиденье, ногу зафиксировали, подложили какую-то тряпку. Егорыч сел рядом, автомат на колени, стволом в пол.

— Трогай.

Машина рванула с места, взвизгнула покрышками на мокром асфальте, скрылась за поворотом. Саян смотрел вслед, и в груди было холодно. Только что отправили своего в тыл врага. В больницу, где, может быть, уже сидят те, кто стрелял по ним с моста. Врачи. Или те, кто позовёт врачей. Или те, кто позвонит куда надо.

Но Михалыч умирал. Выбора не было.

Через полчаса Егорыч вернулся. Шёл быстро, почти бежал, догнал группу на окраине, у длинного забора какой-то промзоны. Дышал тяжело, хрипло, но глаза спокойные.

— Довёз, — остановился, упёрся руками в колени, переводя дух. — Приняли. Медики там, женщины в белых халатах. Положили на носилки прямо на полу. Я ушёл, пока не начали спрашивать.

— Живой? — спросил Агапов.

Выпрямился, посмотрел куда-то в сторону, за забор.

— Не знаю. Надеюсь.

Пошли дальше.

В центре Ирпеня, возле водонапорной башни, было тихо. Слишком тихо. Даже собаки не лаяли. Даже ветер не шумел в ветвях деревьев, обступивших площадь. Только шаги — тяжёлые, шаркающие, усталые — нарушали эту тишину.

Прошли уже полквартала, когда сзади взвизгнули шины.

Звук резкий, режущий, вонзился в тишину, как нож. Саян обернулся. Из переулка, задирая задний бампер, вылетел тёмный седан — не разобрать марку, не до того. Из окон, из-за опущенных стёкол, высунулись стволы. Автоматы. Несколько.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.